

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИМПЕРСКИХ И ПОСТИМПЕРСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА

ПОСТИМПЕРСКИЕ ПРОСТРАНСТВА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ И НАЦИЙ¹

Государственное строительство в новых независимых поли-
тиях, возникающих при распаде имперских образований, предпо-
лагает смену логики организации власти. Создание новых институтов
или институциональное заимствование на пространствах бывших
империй происходят в среде с имперским наследием, предпола-
гающим определенную институциональную память. В связи с этим
важно определить, каково же это институциональное наследие,
какие проблемы возникают при смене логики организации вла-
сти, какие факторы обуславливают сходства и различия между
новыми государствами, решающими задачи государственного
строительства.

В данной статье основное внимание уделяется общим и осо-
бленным проблемам формирования государств и наций на про-
странствах бывших империй, возможностям изменения институ-
ционального порядка, которые открываются в новых независимых
политиях, и препятствиям на этом пути. Основные выводы статьи

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-03-00310а, а так-
же Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в рамках исследова-
тельского проекта «Good enough governance» в условиях режимных трансформа-
ций: качество заимствованных институтов в странах догоняющего развития.

основаны на собственном исследовательском опыте автора [например: Мелешкина, 2012 b], а также обобщающем анализе работ ряда политологов и представителей смежных дисциплин.

Империи и современные территориальные государства

Для решения аналитических задач сравнения империи и государства можно представить как системы с центром и границами и выявить противоположные характеристики идеальных типов империй и современных территориальных государств. Подобное упражнение может помочь нам понять те проблемы и процессы, которые разворачиваются в новых независимых полициях при распаде имперских образований.

Задача эта осложняется тем, что в рамках политической науки существует большое количество определений государств и империй. В политической действительности мы можем обнаружить, что в мире существует или существовало огромное количество политий, называемых государствами или (и) империями, которые отличаются по ряду параметров. Причем иногда до такой степени, что эти отличия ставят под сомнение возможность их отнесения к одному типу институтов.

Вместе с тем задача сравнения идеальных типов современного государства и империи решается при следующих допущениях.

На современное политическое развитие в значительной степени оказывает влияние международный контекст, те нормы и правила, которые международное сообщество предъявляет к существующим в мире политиям. Сложившаяся в XX в. международная система была основана на представлениях и нормах развития европейского государства, к которым постепенно добавились нормы, связанные с политическими режимами, правами человека и т.д. Эти нормы, которые в качестве критериев и обязательств распространялись и накладывались на новые государства, неизбежно носили отпечаток евроцентричности. Об этом довольно точно пишет Ч. Тилли: «Изучение европейского государственного строительства (state-making) имеет по меньшей мере один момент, значимый для политики современного мира: европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (contemporary international state-system) и, вероятно, оставили на ней отпечаток

своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе – в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формами» [Tilly, 1975 b, p. 637].

Конечно, распространение соответствующих критериев и обязательств в отдельных странах наталкивалось на ряд препятствий, среди которых были собственные традиции организации власти. Однако ожидания международного сообщества, других политических акторов и населения этих стран отчасти делают уместным формулировку универсального определения государства, его понимания нами как макроинститута, имеющего характеристики идеальной модели современного национального государства, занимающегося организацией производства и обеспечением циркулирования общественных благ на определенной территории, в том числе принятия и реализации обязательств для исполнения решений.

Разумеется, со времен оседлости территориальность становится структурным фактором политической организации. Однако ее ранние формы (условная «закрытость» племенных систем, «полузакрытость» полисных, «открытость» имперских, «полузакрытость» феодальных) были только моментами перехода к современной территориальности, построенной на регулировании открытости и закрытости политических систем [Ильин, 1995]. Последовательное использование принципа территориальности, ее четкая ограниченность и целостность – важнейшие признаки, отличающие государство от других политических образований. Как отмечает С.И. Каспэ, «именно этот принцип прежде всего отличает государство от имперской политической формы (принципиально разомкнутой, интенционально безграничной, устремленной к совпадению с ойкуменой), и от феодальной структуры (в которой объектом политического контроля выступали не столько территории, сколько люди, а сложность сплетения их личных связей и зависимостей исключала возможность монопольного доминирования даже на самом ничтожном клочке земли и не позволяла возникнуть ни идее, ни тем более практике сколько-нибудь жесткой демаркации границ), и от городов и производных от них торговых союзов. Территориализация политической организации – безусловно, не имеющее precedентов

ни в европейской, ни в незападной истории изобретение, сделанное на исходе Средних веков» [Каспэ, 2007, с. 125].

Многообразие существующих и существовавших форм имперской организации власти также служит основой для формулировки большого количества определений империй. Некоторые подходы к типологии империй представлены в работе А.И. Миллера в данном номере журнала. Мы же в нашей статье до определенной степени абстрагируемся от этих дискуссий и попытаемся выделить небольшой набор идеал-типических характеристик. То есть речь пойдет не о реальных существовавших когда-либо империях, а об идеальном типе, к которому ближе всего эмпирическим образом выделяемые типы «традиционной» или «континентальной» империи. При этом мы понимаем, что реальные политики имперского типа, по крайней мере существовавшие последние два столетия, сочетали черты как разных типов империи, так и национального государства.

Вместе с тем выделение специфических идеал-типических черт имперской организации власти представляется крайне продуктивным для решения аналитических задач, связанных с объяснением проблем формирования государств и наций, других аспектов политического развития на постимперских пространствах. Каковы же эти особенности?

Первая характерная черта империй, отмечаемая многими исследователями у империй разных типов, – это отсутствие стремления к четкому согласованию границ различного рода (территориальных, политических, экономических, культурных и т.д.) друг с другом как к основной задаче консолидации системы и потенциальная открытость ее границ. В частности, империи часто осуществляют политику манипулирования этническими группами, их переселения, создания этнически смешанных анклавов и (или) вынашивают экспансионистские замыслы. Их властители рассматривают себя как носители цивилизаторской миссии и, как правило, в целом терпимо относятся к существующим внутренним различиям. Результатом этого является возрастание транзакционных издержек на поддержание коммуникаций между центром и перифериями, на сохранение целостности империи. Как отмечает А. Мотыл, в территориально расширяющихся империях обязательно происходило рассеивание контроля центра над периферией [Motyl, 1992].

Вторая, вытекающая из первой особенность империй – это косвенная система управления (*indirect rule*). Как правило, в составе

империй различного типа находятся территории с различными культурными и политическими традициями, социально-экономическими особенностями и формами организации власти: «Империи часто охватывают большое количество маленьких политических единиц, включая государственные единицы, регионы, города и другие сообщества с различными институциональными формулами» [Colomer, 2008, р. 49]. Как отмечает Ч. Тили во вступительной главе к коллективной монографии, посвященной политическому развитию после распада империй, перевод которой мы публикуем в настоящем номере, центральная власть осуществляет определенный фискальный и военный контроль в сегментах империи, однако относится терпимо к наличию элементов косвенного управления. Речь идет о наличии общеимперской системы управления на территориях и одновременном отправлении власти через посредников, обладающих значительной автономией в своей области в обмен на поддержку и ресурсы, предоставляемые центральной властью [Tilly, 1997, р. 3].

Система косвенного управления и признание существующих различий означали наличие еще одной, третьей, характеристики — слабая ориентированность на стандартизацию и унификацию отношений внутри империи, значительное влияние неформализованных отношений и связей. Эта особенность отличает империю от идеального типа современного государства, в котором для воспроизводства универсалистского порядка «необходима достаточно четкая дифференциация между “публичной” и “частной” сферами... Для того и нужна указанная дифференциация, чтобы институционализировать границы между “частной” и “публичной” сферами, поскольку в публичной сфере люди ведут себя как граждане, выражая частные интересы публичного значения» [Панов, 2011, с. 72].

Четвертой особенностью империй, отличающей их от идеального типа современных государств, является специфика их включенности в международную систему. Если государственный суверенитет во многом формируется под влиянием внешнего признания и внешних гарантий со стороны других государств и международного сообщества, то имперская власть возникает не столько из системы взаимного признания на международной арене, сколько в результате согласования границ этой власти между ее составными частями, не исключая применение силы или насилия. Являясь своего рода квазимеждународными системами, империи вступают в противоре-

чие с идеей суверенного равенства. Как отмечает Х. Спрюйт, «универсалистские имперские системы ограничивают свое господство совместно согласованными пространственными параметрами, т.е. границами. Они, таким образом, антитетичны внешнему равенству государств, которое предполагается суверенной территориальностью» [Spruyt, 1994, p. 17].

Некоторые выделенные особенности можно проиллюстрировать на примере Российской империи, которая включала в себя различные административно-территориальные единицы, управляемые по различным законам. Например, в 1913 г. в Российской империи было 49 губерний, в которых действовало «Общее учреждение губернское». 9 губерний управлялись по «Учреждению об управлении Царства Польского», 13 регионов – по «Учреждению управления Кавказского края», 10 регионов Сибири – по «Учреждению сибирскому». Существовало еще «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургальской». Кроме того, в состав Российской империи входило Великое княжество Финляндское, имевшее собственный сейм и конституцию. Его управление было полностью обособленно от всей остальной империи. Многие законодательные акты Российской империи вводились в действие только для губерний, управляемых по «Общему губернскому учреждению».

На территории империи действовал «Свод законов Российской империи». На ее окраинах применялись также Гражданский и Торговый кодексы Наполеона (в царстве Польском), Общее уложение шведского королевства (в Великом княжестве Финляндском), Литовский статут, Вислицкий статут и другие статуты, сеймовые конституции, мазовецкие изъятия, прусская корректура, магдебургское право (в западных губерниях), остзейское гражданское право (в Латвии и Эстонии), Соборная грамота Александра Маврокордато и «Краткое собрание законов» Андронаки Донича (в Бессарабии).

В Российской империи к различным категориям населения применялись разные законодательные нормы. Помимо собственного населения Российской империи, на которое распространялись общие законы империи, существовали еще «иностранцы» (оседлые, кочевые, бродячие), которые управлялись на основании «Устава об управлении иностранцев» и правил военно-народного управления (горцы Кавказа и иностранцы Закаспийской области).

Империя отличалась мультилингвистичностью и мультикультурным характером. Русский язык не везде имел статус государственного. Например, на территории Великого княжества Финляндского государственными были шведский и финский языки. Политика русификации на окраинах империи стала проводиться только начиная середины – конца XIX в.

Различия между империями и современными государствами представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Основные характеристики идеальных типов империй
и современных территориальных государств**

Характеристики	Современное территориальное государство	Империи
Границы	Относительно высокая степень определенности, замкнутости и консолидации границ различного рода (территориальных, экономических, политических, культурных и т.д.)	Открытые системы, стремящиеся к территориальному расширению, наличие пограничий вокруг формальных, неконсолидированных границ различного рода
Система управления	Прямая, универсальная и стандартизованная	Непрямая, основанная на двусторонних практиках обмена, предполагающая невысокую степень стандартизации и универсализации, асимметрию отношений «цивилизация – варварство»
Роль формальных и неформальных институтов	Стремление к первоочередной ориентации на формальные институты, обезличенную систему отношений	Высокая роль неформальных институтов, личных отношений и связей
Основная цель существования	Организация внутреннего пространства	Цивилизаторская миссия, направленность вовне
Роль в международных отношениях	Ограничивают свой авторитет границами, признанными международным сообществом, другими государствами, действуют преимущественно в рамках принципа территориального суверенного равенства	Ограничивают свой авторитет границами, совместно согласованными с входящими в них единицами, противоречат принципу территориального суверенного равенства

Сказанное выше вовсе не означает, что можно найти исторические примеры, полностью соответствующие одному или другому охарактеризованному идеальному типу. Большое разнообразие империй и современных государств, история их возникновения, время и контекст их функционирования существенно повлияли на проявленность и масштаб той или иной выделенной характеристики. Как уже отмечалось выше, империи, особенно существовавшие и существующие в последние два столетия, вынуждены примерять на себя одежды территориальных государств, решать задачи стандартизации и унификации правил и системы управления, культурной гомогенизации населения, соглашаться на признание и гарантии государственного суверенитета на международной арене и т.д. Да и территориальные государства часто демонстрируют наличие имперских черт. Поэтому в действительности границы между империями и современными государствами оказываются весьма размытыми. Однако подчеркнем еще раз: выделение данных идеальных типов чрезвычайно полезно для решения задач выявления институциональных альтернатив, возможностей и ограничений политического развития на постимперском пространстве.

Каковы же общие проблемы государственного и национального строительства в новых политиях и чем обусловлены их особенности?

Первая основная проблема, с которой сталкиваются новые политии – как бывшие ядра империй, так и периферии, – это консолидация границ. Речь идет не только о территориальных границах, но и о политических, культурных, экономических и т.д. В наследство новым государствам от империй остаются не только территориальные споры, но и развитые социально-экономические связи, система зависимости между частями империи, этническая и культурная пестрота населения и т.п. Новым государствам приходится решать вопросы формирования жизнеспособного национального рынка, культурной унификации и стандартизации, формирования новых идентичностей и ряд других.

Вторая проблема заключается в необходимости преодоления неизбежно возникающей при распаде империи институциональной деградации. В первую очередь это касается формальных норм и правил, системы управления государством.

Третья проблема, тесно связанная со второй, – наличие институциональной памяти и преодоление неизбежного в империях существенного разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти, решение задач создания универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений.

Ну и, наконец, еще одна важная проблема – противоречие между непрямой формой управления, задачами формирования политической нации и демократизацией.

В связи с этим уместно упомянуть очень точное замечание Ч. Тилли о необходимости выстраивания прямой, стандартизированной системы управления для успешного формирования гражданской нации и демократизации [Tilly, 1997]. Он отмечает, что формирование демократического правления на постимперском пространстве возможно двумя способами. Первый предполагает ослабление центра и обеспечение региональными институтами институциональных основ демократии. Второй – установление прямого правления взамен косвенного, уравнивание граждан в правах, укрепление связи между центром и периферией. Без ликвидации непрямого правления права граждан остаются негарантированными. Исследователь отмечает, что истории известны редкие примеры первого варианта и отсутствие примеров второго.

Различия между странами постимперского пространства

Конечно, данные проблемы в новых государствах проявляются по-разному. Среди факторов, обуславливающих эту специфику, можно отметить следующие.

Во-первых, это различия между самими империями. Если обратиться к имперским формированиям, существующим в последние столетия, то линия водораздела пройдет между империями, условно называемыми колониальными и континентальными или традиционными¹.

¹ Иногда похожий тип на те, которые условно обозначают континентальным или традиционным, называют территориально протяженной империей. Мы для удобства далее будем называть этот тип традиционным. Как уже отмечалось выше, в рамках обществоведческих дисциплин существует большое количество различных типологий империй. Однако аналитическое выделение двух идеаль-

Колониальные империи образовывались вокруг формирующихся, но территориально четко выделенных национальных государств и предполагали более отчетливую дифференциацию между имперской метрополией и ее перифериями. В традиционных империях границы между центром и периферией были более размытыми. Центр и периферия незаметнее перетекали друг в друга в плане территориальных, а также культурных, этнических, социальных, политических границ. Как справедливо отмечает Р. Суни, «территориально протяженные империи, такие как Габсбургская, Османская, Российская или Советская, не имели четких границ внутри имперского пространства, и благодаря этому миграционные процессы на имперской территории привели к формированию смешанного состава населения, появлению высокоинтегрированной экономики, совместного исторического опыта и культурного своеобразия. Примечательно, что все эти особенности делают, по сути, чрезвычайно сложным или вообще невозможным выделение центра или какой-либо из периферий без коллапса всего государства» [Суни, 2004, с. 174].

Следствием этого было то, что распад колониальных и традиционных империй имел различные последствия для центров и периферий в плане проблем формирования государств и наций. В особенности это относится к государственному и национальному строительству в ядре бывших империй. Распад колониальных империй, конечно, оказал влияние на политическое развитие имперских метрополий, но возникшие проблемы были по своему масштабу несоизмеримо меньше по сравнению с теми, с которыми столкнулись бывшие центры традиционных империй. В первую очередь – это проблемы консолидации границ, новой идентичности и институционального обустройства нового пространства.

В традиционных империях множественность перекрывающих друг друга идентичностей, форм контроля, посреднических структур и суверенитета приводит к размыванию различий между центром и периферией. Она также создает разветвленную сеть связей, которая была предназначена для перераспределения ресурсов. В связи с этим последствия распада традиционных империй в пла-

не консолидации границ и формирования идентичности более тяжелые (как для центра, так и для периферии), чем колониальных. Центры традиционных империй, превращаясь в новые государства, переживают более существенный структурный кризис и кризис идентичности, который в различных условиях разрешается по-разному. Например, Турция отказалась от имперской идентичности, Россия после распада империи Романовых фактически возродила некоторые черты имперской организации, ряд влиятельных политических сил Австрии выступали за соединение с Германией. Во многом эти пути объяснялись своеобразием стратегий тех сил, которые оказались у власти.

Второй важный фактор, определяющий различия между странами постимперского пространства, – это принадлежность к бывшему центру империи или к периферии. Прежние «центральность» или «периферийность» сказываются на решении всех трех отмеченных выше проблем. Консолидация границ в политике, образовавшейся вокруг бывшего центра империи, затруднена тем, что новое государство оказывается не только формальным, но и неформальным наследником последней. Страны, возникшие в центре, оказываются более открытыми в плане стратегий национальной политики, в большей степени демонстрируют склонность к формированию гражданской нации, нежели этнической. Националистическая риторика присутствует, но преобладает ассимиляторская, более либеральная (в отношении к представителям нетитульных этносов) и иногда федералистская. Например, в Турции после распада Османской империи осуществлялись меры по национальной ассимиляции и включению меньшинств под руководством государства по французскому образцу (политика тюркификации [см. подробнее: Аслы, 2010]).

Кроме того, государства, образованные в центре, обладают определенным стартовым преимуществом, проистекающим из их прошлого доминирующего положения. Это преимущество сказывается, например, в наличии более развитого аппарата управления, управленческой инфраструктуры, более устойчивой к вызовам, связанным с распадом империи. В то же время эта черта свидетельствует о том, что государствам, формирующимся вокруг центра бывшей империи, при прочих равных должно быть сложнее по сравнению с формирующимися на периферии независимыми по-

литиями осуществлять радикальные реформы в области государственного управления и преодолевать институциональное наследие имперского прошлого.

Консолидация границ в государствах, возникших на периферии империи, в условиях неизбежного влияния на внутренние процессы бывшего имперского центра (посредством использования этнических, культурно-лингвистических групп населения, сформировавшихся в имперский период экономических, социальных и личных связей и т.д.) сопряжена с проведением политики, альтернативной политике бывшей империи.

В силу этого периферии в большей степени демонстрируют склонность к этническому национализму как средству унификации и формирования солидарности. Здесь часто воспроизводится «имперская» модель национальных отношений в виде доминирования одной этнической группы над другой и политики демографических манипуляций. Данное наследие империй порой проявлялось через десятилетия после их распада. Так, например, в 1934–1939 гг. Болгарию покинули около 100 тыс. турок. В 1950–1951 гг. вынуждены уехать еще 155 тыс. Наиболее массовым был исход в 1989 г. после ассимиляционной кампании 1984–1985 гг., когда Болгарию покинули около 370 тыс. турок, или 40% ее турецкого населения (при этом 155 тыс. вернулись в Болгарию в течение года) [Brubaker, 1997].

Примером демографических манипуляций может служить широкое применение демографической инженерии на постосманском пространстве, когда переселенцы из других частей империи расселялись в регионах новых стран, наиболее проблемных с точки зрения этнической и религиозной консолидации. В частности, в Болгарии прибывшие из Греции болгары отправлялись на Черноморское побережье, где население было наиболее многонациональным. Румыния расселяла валашское население, прибывшее с Южных Балкан, в Добружье в одном из наиболее проблемных в плане мультиэтничности регионов [East Central Europe between the two World Wars, 1998, p. 289]. После обмена населением Греция расселяла прибывших греков в Македонии, Тракии и Солониках, т.е. там, где проживало больше всего представителей этнических меньшинств [Clogg, 1992, p. 105–106].

Следующий фактор, обуславливающий различие между странами, возникшими на постимперском пространстве, – специ-

фика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях. В этом отношении можно согласиться с Э. Хобсбаумом, что некоторые институциональные практики остаются устойчивыми даже в случае серьезных внешних событий (войн, революций и пр.) [Hobsbaum, 1997, p. 209–210].

Например, Османскую империю характеризовали полусекулярный характер, допуск свободы вероисповедания и в то же время существование нетерриториальных, основанных на религиозном принципе единиц управления – милетов. Доосманская этническая идентичность балканских народов была переоформлена под влиянием этой системы: представители немусульманских милетов рассматривали местных мусульман как чужих, несмотря на то, что многие из них разговаривали на языке местного населения. Результатом этих особенностей Османской империи стало, с одной стороны, развитие светского государства в Турции, но, с другой стороны, преобладание на постосманском пространстве моделей формирования наций, где в качестве основной идентификационной характеристики выступала конфессиональная принадлежность. Национализирующая политика новых политий строилась с учетом этого фактора [Gagaptau, 2006, p. 5]. Так, например, с 1821 по 1922 г. около 5 млн. мусульман были выселены с территории их проживания, еще 5,5 млн. погибли во время войн, голода и болезней [McCarthy, 1995]. В Болгарии в 1870 г. мусульман было столько же, сколько болгар-христиан, в 1888 г. их осталась четверть. К 1920 г. они составляли 14% населения [Brubaker, 1997, p. 157]. При этом переселялись не только этнические турки, но и все мусульмане: болгары (помаки), босняки, черкесы, крымские татары из Российской империи.

Кроме того, наследие Османской и иных империй накладывало отпечаток не только на стратегию формирования наций, но и на специфику «новых» институтов власти, а также политических режимов. В частности, как отмечает В. Димитрова-Граждл, сравнивая страны – наследницы Османской и Габсбургской империй, XX в. не принес ничего существенно нового в институциональное развитие посткоммунистических стран Восточной Европы и в некоторых случаях даже усилил особенности, проявившиеся в период имперского правления. Неформальные институты, возникшие в период Османской и Габсбургской империй, остались и очертили

контуры институционального устройства в XX в. [Dimitrova-Grajz, 2007]. Коррупция бюрократии в Османской империи создавала необходимость подобного поведения граждан. Обмен, основанный на протекции и покровительстве, как неопределенное, уклончивое поведение, стал политическим и социальным наследием этой империи [ibid.]. Особое влияние на это оказывала специфика организации власти в империи, которая предполагала, что «начиная с XVII в. типичный османский чиновник, занимающий важный пост, рассматривал его как частное вложение, которое его оправдывало в плане извлечения как можно большей прибыли» [Stavrianos, 2000, p. 120]. Эти особенности проявлялись и в XX в. в странах постосманского пространства.

Уровень централизации бюрократии в Габсбургской империи отличался от такового в Османской. Даже в период абсолютизма в 1867 г. была учреждена децентрализованная форма госуправления, предполагающая наличие трех правительств. Результатом стало формирование менее выраженных этатистских традиций в государствах-наследниках. Сочетание некоторого внутреннего баланса между социальными классами и наличием «просвещенных» правителей, как Иозеф II, позволило империи достичь определенного уровня приверженности верховенству закона. В империи предпринимались шаги по обеспечению доверия населения путем последовательного применения правил и предотвращения неожиданных и радикальных изменений в системе. Элементы этого институционального наследия также можно было наблюдать в XX в. в странах, образовавшихся после распада Габсбургской империи.

Следующий фактор, обуславливающий специфику институционального наследия в государствах, возникших на постимперских пространствах, – совмещение разных традиций, в том числе различных имперских традиций, и наличие связанных с ними различных внешних центров, стремящихся влиять на внутривнутриполитические процессы новых государств. Нельзя не согласиться с Э. Хобсбаумом в том, что проблема этих политий на этапе их становления заключается в соединении и стандартизации институтов, состоящих из элементов с различным наследием [Hobsbaum, 1997].

Данный фактор обуславливает специфику политического развития отдельных государств, например постсоветских стран Восточной Европы. Эти политии представляют собой территории,

где встречается институциональное наследие различных имперских образований: Российской империи, СССР, Пруссии, Австро-Венгрии, Османской империи, Речи Посполитой и Великой Румынии. Помимо имперских традиций в этом регионе присутствуют и влияют на современные процессы государственного и национального строительства и традиции самостоятельной организации государственной власти, в особенности те, которые формировались в межвоенный период (в первую очередь это касается Эстонии и Латвии). В связи с этим уместно упомянуть мнение ряда исследователей, что в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [см., например: Stark, Bruszt, 1999; Grzymala-Busse, 2002]. Опыт самостоятельной государственности и формирования нации предполагает сохранение и воспроизводство некоторых институтов управления, правовых норм, более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан в настоящее время.

Следующий фактор, обуславливающий различия между новыми государствами в плане наследования и изменения имперской институциональной структуры, – количество и специфика конкурирующих внутренних центров и их взаимоотношения с периферией. Воздействие этого фактора неоднократно обсуждалось в журнале «Политическая наука» и других изданиях [см., например: Кудряшова, Мелешкина, 2009; Мелешкина 2010 а; Мелешкина 2010 б, Мелешкина 2012 а]. Здесь же в контексте влияния постимперского наследия отметим, что на постимперских пространствах роль играют не только количество центров, но и, как показывалось выше, их принадлежность к центру или периферии в составе империи, а также их связь с внешними центрами влияния. Важным является также и факт преобладания и совмещения в различных центрах институционального наследия разного рода.

Еще один важный фактор – специфика международной среды, которая предъявляла различные требования к постимперским государствам. Разная конфигурация внешнеполитических сил, возникающая на различных исторических этапах, способствовала, например, различиям в стратегиях формирования государств и наций. Так, в частности, в межвоенный период важными оказались международные договоры, согласно которым границы бывших

имперских образований были нарезаны так, что в результате были созданы дополнительные проблемы в плане межэтнических отношений. Конфигурация границ делала невозможным реализацию провозглашенного права наций на самоопределение. Например, около 3 млн. венгров после Первой мировой войны оказались на положении этнических меньшинств в составе других стран, из них 1,7 млн. – в Румынии, 1 млн. – в Словакии и Рутении (Чехословакии), 450 тыс. – в Воеводине (в Югославии). В первые шесть лет после войны на территорию Венгрии приехали около 424 тыс. венгров (13,4, 13,7 и 9,5% венгерского населения соответствующих стран) [Brubaker, 1997, p. 160].

В посткоммунистический период большое значение в определении различий между странами постимперского пространства имеет их вовлеченность в современные процессы интеграции, глобализации, массовой иммиграции и т.д.

Эти процессы сказываются не только на странах, где задачи формирования государства и нации до сих пор остаются нерешенными или решены лишь частично, но и на политиях, относительно которых принято считать, что национальные государства там сформировались. К новым вызовам национальным государствам относится надгосударственная интеграция, и в первую очередь, ее формы, которые предполагают тесное взаимодействие стран, формирование определенных атрибутов и реализацию некоторых функций государства и нации на надгосударственном уровне, как это происходит в Европейском союзе. Существует немало политологической литературы, в которой показывается, что подобные формы интеграции оказывают противоречивое влияние на формирующиеся или уже сформированные национальные государства. Например, ЕС, с одной стороны, способствует определенному смягчению проблем, связанных с правами и участием субгосударственных акторов на государственном уровне за счет создания более широкой политической рамки. С другой стороны, существование Европейского союза приводит к ослаблению и деконсолидации границ территориальных политий, создает дополнительные возможности для стратегии «выхода», в том числе для территорий с компактным проживанием меньшинств, что отрицательно сказывается на институтах политического структурирования и целостности нации [Bartolini, 2005; Fossum, 2006; Keating, 2004]. Кроме

того, деконсолидация границ современных государств, связанная с возникновением надгосударственных образований и иными процессами глобализации, актуализирует проблемы эволюции модели гражданства [см., например, Benhabib, 2002; Soysal, 1994; Soysal, 2002; Tambini, 2001; Kymlicka, 2001; Joppke, 2006], ослабления государства как гаранта прав и появления нового неравенства между жителями, основанного на доступе к различным правам.

Что касается постсоветских и – шире – поскоммунистических государств, то здесь международные интеграционные структуры, предъявляющие серьезные требования к политическим и социально-экономическим реформам, качеству управления, обеспечению прав человека и гражданина, играют во многом положительную роль в строительстве государственных институтов, способствуют смягчению крайних стратегических позиций по отношению к национальным меньшинствам и в целом позитивно сказываются в плане преодоления имперского наследия [см., например: Мелешкина, 2012 а; Мелешкина, 2012 б].

Ну и, наконец, последнее обстоятельство, объясняющее различия между странами постимперских пространств, – расстановка политических сил, состав победной коалиции и действия акторов в период после распада имперских образований. Речь в данном случае идет не столько о качествах лидеров, сколько о промежуточных между акторными и структурными факторах.

Значимость расклада политических сил и состава победных коалиций отмечали многие исследователи. В частности, этот фактор выделялся как один из определяющих характер кризиса и трансформаций у авторов Стэнфордского проекта [Crisis, choice, and change, 1973]. На важность данного фактора обращал также внимание в своих работах С. Роккан [см., например: Citizen, elections, parties, 1970]. При этом С. Роккан исходил из того, что расстановка политических сил в обществе и институциональный контекст формируют пространство возможностей для различных групп акторов и определяют во многом выбор стратегии национального и государственного строительства. Эмпирические модели С. Роккана, демонстрирующие роль политических коалиций, а также попытки применить его концепции к анализу отдельных го-

сударств¹ показывают, что политика союзов – значимый фактор, определяющий наряду с другими специфику постимперского развития. С важностью расстановки политических сил соглашаются ряд авторов, анализирующих политическое развитие на постимперских пространствах. В частности, К. Бэрки полагает, что важным обстоятельством, определяющим независимое развитие новых политий, является структура элиты, которая досталась новым государствам в наследство от империй [Barkey, 1997].

Различные конфигурации элит и политических союзов позволяют понять стратегии национального и государственного строительства, которые составляют возможные политические альтернативы.

Специфику институциональных альтернатив, открывающихся перед новыми независимыми государствами после распада имперских образований и складывающихся под воздействием выделенных выше факторов, можно проследить в государствах, возникших при распаде любых имперских образований. В частности, эти факторы можно использовать при анализе политического развития независимых республик, образовавшихся после дезинтеграции СССР. Хотя СССР и не был империей в полном смысле слова, однако он унаследовал и воспроизвел некоторые черты имперской организации власти. Государства, образовавшиеся при его распаде, столкнулись с основными проблемами постимперских пространств. Различия траекторий их развития во многом определяются выделенными нами факторами и их уникальными страновыми сочетаниями.

Литература

- Barkey K.* Thinking about consequences of empire // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 99–114.
- Bartolini S.* Restructuring Europe: Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – 415 p.

¹ В данном номере журнала публикуется перевод одной из работ, где такая попытка предпринимается [Botz, 1997].

- Benhabib S.* Citizens, residents, and aliens in a changing world: Political membership in the global era // *The postnational self: Belonging and identity* / Hedetoft U., Hjort M. (eds.). – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2002. – P. 85–119.
- Botz G.* Post-1918 Austria: A case study applying three macro models of Stein Rokkan // *Forward to the past?: Continuity and change in political development in Hungary, Austria, and the Czech and Slovak Republics.* – Aarhus; Oakville, Conn.: Aarhus univ., 1997. – P. 118–136.
- Brubaker R.* Aftermaths of empire and the unmixing of peoples // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/* Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 155–180.
- Citizens, elections, parties / S. Rokkan, A. Campbell, P. Torsvik, H. Valen. – Oslo: Universitet-forlaget, 1970. – 470 p.
- Clogg R.* A concise history of Greece. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – 291 p.
- Colomer J.* Bringing the empire back in // GCG Georgetown university – Universia. – Madrid; Wash., D.C., 2008. – Vol. 2, N 1. – P. 48–58.
- Crisis, choice, and change: Historical studies of political development / Almond G., Flanagan S., Mundt R. (eds.). – Boston, EUA: Little Brown, 1973. – 717 p.
- Dimitrova-Grajzl V.* The great divide revisited: Ottoman and Habsburg legacies on transition // *KYKLOS.* – Oxford, 2007. – Vol. 60, N 4. – P. 539–558.
- East Central Europe between the two World Wars, A history of East Central Europe / Rothschild J. (ed.). – Seattle, WA: Univ. of Washington press, 1998. – 420 p.
- Fossum J.E.* Conceptualizing the European Union through four strategies of comparison // *Comparative European politics.* – Houndmills, 2006. – Vol. 4, N 1. – P. 94–123.
- Gagaptay S.* Islam, secularism, and nationalism in modern Turkey. Who is a Turk? – Abingdon, N.Y.: Routledge, 2006. – 262 p.
- Hobsbaum E.J.* The end of empires // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires /* Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 12–18.
- Joppke Ch.* Citizenship between de- and re-ethnicization // *Migration, citizenship, ethnos /* Bodemann Y.M., Yurdakul G. (eds.). – N.Y.: Palgrave, 2006. – P. 63–91.
- Keating M.* European integration and the nationalities question // *Politics and society.* – Thousand Oaks, Calif., 2004. – Vol. 32, N 3. – P. 367–388.
- Kymlicka W.* Politics in the vernacular: Nationalism, multiculturalism, and citizenship. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 383 p.
- McCarthy J.* Death and exile: The ethnic cleansing of the Ottoman muslims, 1821–1922. – Princeton, NJ: Darwin press, 1995. – 383 p.
- Motyl A.* From imperial decay to imperial collapse: The fall of the soviet empire in comparative perspective // *Nationalism and empire: The Habsburg empire and the Soviet Union /* Rudolph R., Good F. (eds.). – N.Y.: St. Martin's press, 1992. – P. 15–43.
- Soyсал Y.N. glu.* Citizenship and identity: Living in diaspora in postwar Europe // *The postnational self: Belonging and identity /* Hedetoft U., Hjort M. (eds.). – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2002. – P. 137–151.

- Soysal Y.N. glu.* Limits of citizenship: Migrants and postnational membership in Europe. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1994. – 244 p.
- Spruyt H.* The Sovereign state and its competitors. An analysis of system change. – Princeton: Princeton univ. press, 1994. – 302 p.
- Stavrianos L.S.* The Balkans since 1453. – N.Y.: N.Y. univ. press, 2000. – 970 p.
- Stark D., Bruszt L.* Postsocialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 300 p.
- Tambini D.* Post-national citizenship // *Ethnic and racial studies*. – Surrey, 2001. – Vol. 24, N 2. – P. 195–217.
- Tilly Ch.* How empires end // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 1–11.
- Tilly Ch.* Western state-making and theories of political transformation // *The formation of national states in Western Europe* / Tilly Ch. (ed.). – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 601–638.
- Аслы Й.* Политика туркизации и вопрос экстремистского курдского и турецкого национализма // *Политическая наука*. – М., 2010. – № 1. – С. 202–218.
- Ильин М.В.* Выбор России: миф, судьба, культура // *Via Regia*. – Эрфурт, 1995. – № 1–2. – С. 17–24.
- Каснэ С.* Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 318 с.
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // *Вестник МГИМО (Университета)*. – М., 2009. – № 2. – С. 45–54.
- Мелешкина Е.Ю.* Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // *Метод: Московский ежегодник трудов обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований*. – М., 2010 а. – С. 123–145.
- Мелешкина Е.Ю.* Советский эксперимент: между имперскими и государственными формами // *Политэкс*. – СПб., 2012 а. – № 4. – С. 100–124.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика // *Политическая наука*. – М., 2010 б. – № 1. – С. 8–28.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.
- Панов В.П.* Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Сунн Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // *Новая имперская история постсоветского пространства* / Ред и сост. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А. и др. – Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. – С. 163–198.